

Из истории общественной мысли

© 1994 г.

А.И. ЖЕЛТУХИН

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТРУДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Самые древние документы, в которых описываются социально-экономические формы организации труда, относятся к III—II тысячелетиям до н.э. и охватывают такие страны, как Египет, Месопотамия, Шумер, Урарту, Хеттское царство, Элам, ахеменидский Иран. Реконструкцию социальных отношений в странах Древнего Востока ученые проводят на основе изучения клинописных, папирологических, эпиграфических и нарративных источников.

До нас дошли многочисленные документы из храмовых архивов (арендные контракты, об участках земли, письма чиновникам, записи о выдаче продуктов, поставках зерна, описи жителей поселков, договоры о купле-продаже рабов, материалы судебных процессов, наряды на работы), стенные росписи гробниц. Храмовые чиновники и государственные служащие периодически устраивали ревизии скота и посева зерна, имущества и рабочей силы. Из одного только Египта эпохи Нового царства, длившегося около 500 лет, до нас дошло примерно 1,5 тыс. текстов государственной документации и частной деловой переписки [1, с. 70]. Еще более регулярными деловые записи стали в I тысячелетии до н.э. Переписи населения, учет его движения еще с древних времен исходили от государственной власти и служили целям управления. Они проводились в самых крупных империях древности.

Благодаря сохранившимся документам мы способны судить о социальной стратификации данного общества, его профессионально-квалификационной структуре, социальной организации труда, нормах выработки, распределении рабочей силы, структуре рабочего дня, оплате труда и основных категориях работников. Анализ первоисточников развеивает миф о якобы примитивной организации древневосточного общества и убеждает в исключительном многообразии форм социально-экономических отношений.

Хотя по привычке мы относим древневосточную цивилизацию к рабовладельческой формации, труд рабов, как показывают исследования отечественных и зарубежных историков, не занимал ведущего места в экономике Передней Азии [2]. Рабский труд, во-первых, ни в сельском хозяйстве, ни в ремесле не был преобладающим и не мог конкурировать с трудом свободных общинников; во-вторых, использовался главным образом для выполнения тех видов работ, которые не требовали высокой квалификации или дорогостоящего надзора. Это прежде всего регулярный, выполняемый в течение круглого года, а не сезонно, труд. Так, крупные землевладельцы на сезонных работах предпочитали обращаться к услугам свободных арендаторов. Да и царские (государственные) земли также сдавались в аренду. Еще меньше рабский труд способен был конкурировать с трудом свободных в городском ремесленном производстве [1, с. 14—15].

Таким образом, вопреки сложившемуся мнению, рабский труд составлял только один из типов производительного труда, и притом далеко не самый значительный. Стало быть, рабы представляли лишь часть класса подневольных лиц, которые не владели собственностью на средства производства и эксплуатировались внеэкономическим путем.

Социальный состав производительного класса, т.е. зависимых и подневольных лиц, был крайне гетерогенным, что отражало многообразие древневосточного способа производства. Рабство, которое и внутри себя характеризовалось чрезвычайным богатством промежуточных и переходных форм, на самом деле представляло достаточно узкий сегмент зависимого населения. Зависимый человек мог находиться в полном порабощении, к нему могли быть применены все средства физического принуждения. И при всем том он не являлся рабом. «Рабы» могли владеть средствами производства, хотя юридически не

считались их собственниками. В таком случае традиционное определение раба в советской историографии: раб — человек, лишенный средств производства и подвергшийся внеэкономическому принуждению, — нельзя применять по отношению ко всему классу зависимого населения [3].

В III—II тысячелетиях до н.э. ведущим сектором экономики ближневосточных обществ выступал труд зависимых людей. Только малую часть зависимого населения составляли рабы. Древневосточные цари, проводившие активную завоевательную политику, увидевшие в плен население целых областей, тем не менее основную массу военнопленных в рабов не обращали. Одна из причин — слабое развитие товарно-денежных отношений, другая — неэффективность рабского труда. Видимо, с появлением института рабства зародились такие формы негативного отношения к труду, как рестрикционизм (сознательное ограничение выработки), абсентеизм (отсутствие на работе), эскапизм (в данном случае под этим словом понимаются все формы избегания работы, отлынивание). У свободных общинников они, как правило, не наблюдались. Иное дело раб, который всячески стремился уклониться от порученной работы, не проявлял инициативы и не был заинтересован в результатах и качестве труда. Позже подобные формы принял и труд крепостного крестьянина в России.

На Древнем Востоке впервые убедились в крайней непроизводительности рабского труда. Поэтому абсолютное большинство военнопленных фараоны сажали на государственную землю, позволяли им самостоятельно вести хозяйство, нести повинности (включая военную службу), даже иметь собственных рабов. Главное, чтобы они исправно платили государственные подати. Так сформировались три основных слоя зависимого населения — иккару, шушану и гарда. Иккару переводится как «пахарь», «сельскохозяйственный работник». Наряду с ними существовали эррету — «земледельцы», «арендаторы».

Эррету и иккару представляли собой сословие зависимых от того или иного храма земледельцев. Храмы, подобно средневековым русским монастырям, являлись крупными коллективными землевладельцами. Они сдавали свои земли для обработки не самим иккару, а посредникам — так называемым сборщикам арендной платы, которые затем сдавали их субарендаторам, т.е. принадлежащим тем же храмам иккару и эррету. Сборщики несли перед администрацией храма ответственность за целостность и сохранность инвентаря, скота и самих иккару. От I тысячелетия сохранилось множество арендных контрактов в которых содержится богатый статистический материал. Расчеты показывают, что средний иккару брал внаем 8—10 га земли, обязуясь сдавать ежегодно храму от 700 до 900 л ячменя с 1 га земли [1, с. 20—21].

Шушану — это часть иккару, но принадлежавших не храму, а дворцу. Статус шушану являлся наследственным. Как и иккару, их нельзя было продавать наподобие рабов, но они были пожизненно прикреплены к земле и находились во внеэкономической зависимости от хозяина (храм, дворец, частное лицо). Без его разрешения ни один зависимый земледелец не мог сменить место жительства, а если он бежал бросив работу, то его в кандалах водворяли в имение. Гарда так же, как и шушану составляли особую группу царских работников.

Всем слоям зависимых сельскохозяйственных работников, занятых в царском хозяйстве, свойственен ряд общих черт: они трудились круглый год, а не сезонно; получали от государства семена, тягловый скот, орудия труда, продукты пропитания и ремесленное сырье (если занимались ремеслами). Частью они трудились самостоятельно, но в большинстве случаев — под надзором особых чиновников. В том и в другом варианте земля всегда являлась государственной собственностью. Они имели семью, движимое и недвижимое имущество, иногда рабов. Нетрудно видеть, что социально-экономический статус иккару, эррету и шушану во многих чертах напоминает статус русского крепостного крестьянина.

Особую разновидность зависимого населения древнего Египта составляли так называемые «люди smdt» (этимология слова smdt до сих пор неясна). В отличие от военнопленных, которые вводились в состав трудового населения страны, «люди smdt» были зависимыми по рождению. По своему профессиональному составу чаще всего это были водоносы, садовники, рыбаки, дровосеки, гипсоделы, привратники, а также земледельцы и животноводы, прачечники, носильщики. «Люди smdt» — это низшая часть производительного класса египетского населения, занятая, как правило, тяжелым физическим и неквалификационным трудом.

Другую часть населения, занимавшуюся непосредственным производством материальных и духовных ценностей, составляли «люди народа, знающие мастерство», т.е. мастера [1,

с. 53—54]. Различие между этими слоями зависимых работников было не столько социально-экономическим (ибо все они стояли на низших ступеньках социальной лестницы), сколько профессионально-квалификационным: одни «знали» мастерство, а другие его не «знали» и занимались неквалифицированным трудом. Объединяли же их работа по нарядам и одинаковое место в общественном производстве. Разъединяло — место в системе организации труда: «мастера» руководили, а «люди smdt» подчинялись.

Источники из царского некрополя доносят профессионально-должностной состав «мастеров»: рисовальщики, резчики барельефов, гипсоделы, весовщики, медники, сандалящики. Хотя «мастера» и «люди smdt» входили в разные социальные категории, между ними не было жестких границ. Так, гипсоделы или медники (представители одного из старейших видов ремесла), Делавшие и чинившие орудия труда, при одной династии числились среди «людей smdt», а при другой — уже среди мастеров. То же самое относится к надзирателям и сандалящикам.

В течение полутора столетий в Египте существенно менялась профессиональная и должностная пирамида, снижался, или повышался социальный престиж профессий. Специалисты отмечают, что в период XIX династии происходит серьезный психологический и мировоззренческий сдвиг в отношении к физическому труду. Прежде между ним и творческим трудом существенной разницы не видели. Например, художник (представитель творческого труда) обладал всеми необходимыми навыками ремесленника, и оба вида труда оценивались одинаково. Но вот на втором году правления Рамсеса IV суд приговаривает рисовальщика царского некрополя Небнуфе за какие-то проступки к следующему наказанию: 100 ударов полкой, 10 ожогов и разжалование в камнетесы, труд которых считался самым тяжелым в некрополе [1, с. 58—59]. Рисовальщик стал заниматься социально менее престижным трудом, и на прежнюю должность его мог вернуть только верховный судья Египта. Профессия художника становится более привилегированной, чем некогда равная ей профессия камнетесца.

Использование физического труда как каторжного известно с древнейших времен. Но факты применения его как меры социального наказания, особой и очень жесткой санкции, прежде не встречались. Негативное санкционирование, наказание людей трудом стало возможным, по всей видимости, с того самого момента, когда произошло обособление профессий преимущественно физического и умственного труда. Речь идет не об обособлении должностей, ибо институт вождя известен еще в родоплеменном строе. Но именно об обособлении профессий внутри развивавшейся системы общественного разделения труда, обособлении, институционально закрепленном (оформленном законодательством, проведенном через суд и практически выполнявшимся как социальное нововведение). Часть профессий выделилась в число социально привилегированных, а часть стала считаться профессиями второго сорта.

Понижение в должности, перевод на социально непрестижное занятие могли быть применены чуть ли не к каждому египтянину. В дошедшем до нас тексте эпохи XX династии говорится о возможности перевода в камнетесцы даже высокооплачиваемого чиновника (начальника подразделения). Поводом могли стать уголовное преступление, злоупотребление служебным положением, присвоение царских орудий, грабежи, насилия. По мнению специалистов, устойчивость формулировок, в которых определяются причины и мера наказания, свидетельствуют о том, что карательные функции труда вошли в повседневный обиход и были закреплены в специальном кодексе [1, с. 59].

Перед нами первые признаки формирования социальной организации труда. Ее истоки восходят к более древним временам — половозрастному разделению труда внутри общины, разделению между скотоводческими и земледельческими племенами. Но только с возникновением первых государств и цивилизаций происходит разделение между умственным и физическим трудом, отделение ремесла от земледелия и выделение торговли в самостоятельную сферу. Только с возникновением государства стало возможным закреплять за тем или иным видом труда конкретные группы населения, узаконивать такое разделение в специальных кодексах и юридических актах. Стало быть, переводить разделение труда из сферы традиций и обычаев в область норм и законов, заменять стихийно сложившееся разделение труда государственно-планомерным распределением труда.

Но этого еще недостаточно для формирования социальной организации труда. Древневосточное общество дало нам образцы и механизмы «социального взвешивания» профессий, пожизненного закрепления за ними групп людей и порядок перехода от одной должности к другой. В первобытнообщинном строе в принципе не могло быть социально

непрестижных профессий. Они появляются с возникновением социальной иерархии — институционально закреплённой шкалы «высших», «средних» и «низших» должностей.

Вектор социальной мобильности, если учитывать потребности и мотивацию людей, в такой иерархии, т.е. в системе социально упорядоченной трудовой деятельности, принимает только одно направление — снизу вверх. Понижение в должности считается жизненной неудачей, воспринимается как неза заслуженное наказание. Напротив, повышение или перевод в социально престижную профессию является сильнейшим стимулом, мотивом труда. Такой формы социальной организации труда доклассовое общество, естественно, не знало.

Хотя египтяне не оставили после себя сочинений, в которых бы описывалось социальное устройство общества, специалисты, проанализировав древнейшие тексты, выявили более десятка схем социальной организации, датированных периодом между XV—I веками до н.э. [1, с. 26]. Но самое древнее сочинение на эту тему — *Поучение Ахтоя* — восходит к эпохе около 2000 г. до н.э. По примеру политий античности историки окрестили это сочинение «Египетской политией». В этом педагогическом сочинении ставится цель привлечь юношество к учебе, образованию. Однако, не ведая того, автор даёт богатый материал о принципах социальной организации Египта.

В *Поучении Ахтоя* карьера чиновника как социально престижное и доходное занятие противопоставляется занятиям земледелием и ремеслом. Профессия чиновника требует больших знаний, и путь к ней лежит через многотрудное обучение в школе. Юноше, не сумевшему выучиться на чиновника, грозило опуститься на «социальное дно», т.е. независимо от своего желания заниматься непрестижными профессиями, связанными с неквалифицированным трудом. Перед каждым молодым человеком, таким образом, стояла проблема профессионального самоопределения. С помощью обучения он, постепенно продвигаясь по ступенькам чиновной карьеры, мог достичь славы и богатства, либо, пренебрегая школой, стать челядинцем (слугой) чиновника, садовником или земледельцем. Из этого сочинения видно, что наряду с принудительным распределением молодежи (выходцев из зависимых слоев населения) по профессиям, в египетском государстве существовала свобода выбора профессии для свободного населения.

Понятие «социальный слой» по отношению к древнеегипетскому обществу не имело четкого юридического или экономического смысла. Под профессиональным слоем в современной социологии подразумеваются не какие-либо статистические совокупности людей, выделенные по случайным признакам, а реальные группы или общности, которые образуются в результате закрепления людей за данным родом занятия. Представители конкретного слоя, если он выделяется на основе характера труда, обладают рядом общих черт: уровнем образования, размером дохода, бюджетом времени, образом жизни, потребностями и социальными связями. Как правило, в тот или иной слой входит вся семья, а не отдельные ее члены (исключение — смешанные браки, но они незначительны).

В этом смысле о социальных слоях как жестко закреплённых группах людей по отношению к египетскому обществу XII—XI веков до н.э. говорить нельзя. «Отношения личности с государством (в том числе и отношения зависимости) переливались одно в другие так, что в одной семье могли быть и чиновник, и человек smdt, и мастер...» [1, с. 70]. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, многочисленные биографии чиновников, вышедших их простого люда, а с другой — подворные описи городских кварталов. Они показывают, что люди одинаковых профессий никогда не селились рядом: дома медников могли соседствовать с домами чиновников, дома военных — с домами писцов или водоносов. Для сравнения укажем, что в средневековой и раннекапиталистической России представители одной профессии, как правило, селились вместе, образуя слободы сапожников, гончаров, каретников.

Совершенно специфическим для древневосточного общества, в частности египетского, является понятие «неделимое должностное владение». Государство наделяло людей участком земли, орудиями труда и провизией. Независимо от того, к какой профессии они принадлежали, все египтяне были как бы служащими государства, зависели от него и ему принадлежали. Значительную часть произведенной продукции они сдавали государству. Правда, после работы и в выходные дни зависимые ремесленники трудились уже собственными орудиями и для рынка. Таким образом, для относительно привилегированной части трудового населения, например, мастеров, существовало два вида орудий: государственные и свои собственные. Работая на государство (в лице царя), последние получали в «должностное владение» (родовое пользование) государственные орудия труда.

Государство ограничивало их только рабочим днем, длившимся около 8 часов, но не всем трудом [1, с. 118]. Весь труд — это работа на государство и на рынок. Доля продукции, изготовляемой на рынок, была очень незначительной: государство платило за труд так регулярно, как они не могли бы получать при свободной работе на неразвитый рынок.

Древнеегипетское слово «*hmw*» отражало самое общее, всеохватывающее состояние зависимости людей. Без сомнения, его можно трактовать как одну из первых экономико-социологических категорий, описывающих всеобщую форму социальной зависимости и важнейшую сущностную характеристику социальной организации труда. Все люди в Египте, включая не только земледельцев, ремесленников, рабов и другие группы зависимого и свободного населения, но и высших сановников, вельмож и даже семью царя были в сущности *hmw* царя [4]. В России аналогом может служить слово «холопство», которое также выражало всеобщую форму зависимости: и крестьяне, и дворяне по отношению к царю были всего лишь холопами. В отличие от Египта и России в средневековой Европе абсолютный монарх, хотя и стоял над всеми другими, но находился под властью закона. Таким образом, во всеобщей зависимости (конечно, теоретически, ибо на практике подобный принцип постоянно нарушался) европейцы находились скорее по отношению к закону, чем по отношению к монарху.

Соответственно иной — при такой форме социальной зависимости — была и социальная организация труда. В средневековой Европе значительную роль играли рынок и товарно-денежные отношения; крестьянин работал как на господина, так и для свободной продажи. А в Древнем Египте и России крепостное или зависимое население, в силу неразвитости внутреннего рынка, практически не знало свободной торговли и работы на рынок. Оно работало на своего господина, полностью присваивающего их труд. Зависимые люди работали его орудиями и без всякого ограничения условий труда. Иными словами, просто по внеэкономическому принуждению. «Правда, это такие странные невольники, что они не создавали никакого прибавочного продукта, а, наоборот, потребляли тот продукт, который создан их владельцами или другими *hmw*... даже при нормированном рабочем дне или десятидневке *hmw* прогуливали целые рабочие дни и не выполняли нормы» [1, с. 117—118].

Люди *hmw*, или «царские люди» — это по существу основная часть трудового населения Египта. В таком случае, этот древнеегипетский термин еще нельзя считать социальным понятием, ибо он не проводит социальной дифференциации людей, но лишь обозначает тот факт, что все они принадлежат к классу непосредственных производителей, т.е. государственно-зависимых людей. Социальным термином надо считать производное от *hmw* понятие *hm*, которое эквивалентно социальному понятию *V'kj*. Оба они переводятся как «работник» или «раб», если в слово «раб» не вкладывать никакого оценочно-уничижительного смысла. «Люди царя» как государственные служащие могли за плату на какой-то срок наняться к частному лицу. В этом случае они и получали имя *V'kj*, т.е. работника по найму. При этом они из государственной зависимости попадали в частную зависимость. В строгом смысле только их можно назвать невольниками в экономическом отношении.

В связи с этим надо сделать оговорку о том, что современное понятие «экономической зависимости» полностью не применимо к древневосточному обществу. Так, мастера и члены их семей являлись экономически зависимыми «плоды царя», но при этом обладали относительной юридической полноправностью. В случае надобности они вступали — добровольно или подчинились внеэкономическому принуждению государства — в отношения временного «рабства», т.е. трудились по найму у частного лица. Поскольку царь стоял выше закона, то все население оставалось зависимым, т.е. находилось в отношении «рабства». Переход из одной формы «рабства» в другую не вызывал никакого психологического стресса. Никакого непреодолимого психологического барьера между свободными и невольниками не существовало. Смена формы «рабства» как зависимости была вполне естественной и ощущалась лишь как переход с одной работы на другую. В принципе даже свободные люди без всякого смущения могли на временный срок наняться «рабом», если это не мешало выполнению их служебных обязанностей [1, с. 114].

Смена форм зависимости представляла собой путь чуть ли не «работу по совместительству» в современном понимании. Наняться в «рабы» к человеку, который точно также был зависим от государства, было все равно, что наняться на время в работники. При этом оплата найма ложилась на плечи самого нанимателя. По окончании срока найма состояние зависимости от частного лица автоматически прекращалось, человек возвращался в свою прежнюю социальную категорию, обретая принадлежащие ей права и обязанности. Так

мастера могли нанимать или «владеть» людьми *smdt*, хотя обе группы стояли внизу социальной пирамиды.

Плата за найм рабочей силы обходилась частному лицу довольно дорого и в месяц достигала среднего размера рыночной цены. Перед наймом человек — свободный или зависимый — заключал соглашение в качестве юридического лица. Разорившийся «горожанин», заключив контракт, за четыре года мог скопить достаточное состояние, чтобы выправить дела и встать на ноги. Частному лицу «работник» обходился (за три десятидневки) в 3 коровы и около 40 мешков зерна. Столько приблизительно стоил настоящий раб, которого было не просто купить на невольничьем рынке [1, с. 113]. Так что «самопродаваться в рабство» в Древнем Египте было и выгодно, и незачем.

Провести точно грань между категориями свободного и зависимого населения в странах Древнего Египта непросто. Царь мог считать любого подданного своим рабом, но фактически царские подданные не являлись рабами. Подданные царя — это и зависимые, и свободные люди, а рабы в строгом смысле — не самая многочисленная группа зависимого населения. Так, в позднеримском и византийском Египте численность рабов иногда не превышала 3% всего населения. Только в очень расширительном смысле можно говорить о том, что подданные и зависимые суть одно и то же. Свободный человек — чиновник, писец, заведующий канцелярией — был подданным царя, но не принадлежал к категории зависимого населения. Такие подданные, которых можно назвать свободными, при желании меняли место жительства, переезжали на заработки из одного города в другой. Плата за их труд устанавливалась по соглашению между работодателем и наемным работником [5].

У свободного населения было достаточно прав, но существовала одна обязанность, от которой оно никак не могло уклониться. Речь идет о государственных или общественных повинностях — строительстве и ремонте ирригационных сооружений, транспортных магистралей, оборонных объектов и всего того, что можно отнести к коллективным условиям существования. Они касались всех и каждого, обеспечивая благополучие всей нации. К такого рода повинностям привлекались только свободные, даже высокопоставленные чиновники, ученые и учителя. В жалобе ассирийскому царю писцы города Кальзу сообщали, что необходимость выполнять общественные работы сильно повредила им: не удалось осуществить царский указ о постоянном наблюдении за небесными светилами и пришлось прервать обучение учащихся [1, с. 10].

Институт общественных работ — чуть ли не самая древняя форма коллективного труда. Он известен с первобытных времен и существует по сию пору. Добровольно-принудительная шефская помощь горожан колхозам, существовавшая у нас в стране в 60—80-е годы — проявление этой формы. По всей видимости, институту общественных работ несколько десятков, если не сотен тысяч лет. В разные эпохи он принимал различные названия — общинные работы, государственная повинность, общественные работы, шефская помощь и т.п. Если к этим работам привлекались свободные, то общественные работы именовались почетной обязанностью, добровольной повинностью или гражданским долгом, как, например, служба в армии, также относящаяся к данному виду работ.

Для зависимого населения общественные работы превращались в принудительный труд. В Древнем Китае эпохи Чжаньго и Цинь существовал даже особый «Статут управления общественных работ» — свод юридических законов, а также специальный термин «чэньдань», обозначавший работников-мужчин, осужденных трудиться на строительстве городских стен, которые сооружались из утрамбованной глины [1, с. 228]. Практика наказывать преступников тяжелым трудом и использовать подневольных, обязанных безвозмездно трудиться на пользу государства, была известна и в XX веке до н.э., и в XX веке н.э.

Распределение трудовых обязанностей, как свидетельствуют источники, в Древнем Египте происходило в централизованном порядке. Для этих целей существовал особый социальный механизм. Одним из его элементов выступали описи возросшего состава трудоспособного населения страны. Они проводились регулярно и подразделяли людей на несколько категорий — юноши, отроки, мужчины и старики. У каждой возрастной категории имелись свой круг обязанностей, объем трудовых нагрузок и свои профессиональные функции: отроки должны были сопровождать воинов, юношей отдавали в новобранцы, стариков всегда определяли в земледельцы. В других папирусах сообщается, что мужчина-земледелец обязан поставить 200 мешков зерна, а юноша — 100 [1, с. 60—61].

Таким образом, опись возрастного состава призвана была составить учет резерва рабочей силы в масштабе страны для того, чтобы государство могло затем целесообразно

его перераспределять. На основании такого рода документов создавались усредненные нормы затрат труда и нормы выработки.

Второй элемент механизма распределения трудовых обязанностей составляет так называемое введение в должность, которое происходило опять-таки централизованно. Все должности в государстве, считавшиеся профессиональными (а некоторые ими не считались), делились на два разряда. На одни должности юноши, — а введение в должность происходило именно в юношеском возрасте, — «назначались на должность отца», а на другие — «назначались внове», т.е. не на должность отца. Все назначения от лица фараона производил высший сановник (так называемый «визирь»). Поскольку у одного отца, как правило, было несколько сыновей, то попасть на его должность мог далеко не каждый. К тому же время освобождения должности отцом должно было совпадать со временем вступления сына в должность. Другое ограничение — вступление в должность происходило по наступлении совершеннолетия. А если отец имел единственного сына и умирал до его вступления в совершеннолетний возраст, то должность отца переходила к другому человеку [1, с. 62].

Такой порядок отличается от известного нам механизма продвижения кадров. По существу любая должность в Египте являлась государственной, а не единоличной. Даже те, кто имели право занять должность отца, обладали необходимыми профессиональными навыками, достигли юношеского возраста и не имели конкурентов, тем не менее не могли вступить в должность самовольно. В руках специального чиновника были сосредоточены все должности в стране. Поэтому всякой передаче и вступлению в должность предшествовало официальное назначение.

Разумеется, и высший чиновник назначал людей не совсем произвольно, т.е. не только исходя из собственного усмотрения. По поводу каждой кандидатуры между высшим сановником и местным начальством разворачивалась деловая переписка. Для назначения на должность (или профессию) кандидатов представляли только местные начальники (руководители подразделений), которые хорошо знали личные качества и уровень профессионального образования (кстати, для его получения необходимо было закончить специальную школу). Получить должность для юноши означало перейти из одной социальной категории в другую — из людей *smdt* в мастера. А это сулило большие преимущества. Может быть поэтому нередкими являлись взятки и подкупы местного начальства со стороны родителей.

Описи возрастных категорий населения назывались еще «смотрами» и выполняли функцию, которую сегодня осуществляет периодическая аттестация кадров. Согласно текстам из царского некрополя, смотр часто приводил к назначению на должность. Кандидатов, а их называли «юношами мест», выбирали по итогам общего смотра населения той или иной области. «Юношей места» считался даже взрослый мужчина — земледелец, если он не имел чиновничьей должности.

Государство, назначающее человека на должность, наделяло его должностным владением. Это третий элемент механизма распределения трудовых обязанностей. Неделимое должностное владение состояло из постоянного жилья (дом в поселке), участка земли и кладовых. Для строительства постоянного жилья на отведенном участке выделялись дни из того рабочего времени, которое считалось принадлежащим государству (царю). Поэтому после сооружения жилье становилось государственной собственностью. Государственной собственностью являлись также орудия труда, которые предоставлялись «назначенным на должность» в разовое пользование по месту основной работы, например на строительстве и при оформлении царской гробницы. Последняя часть «должностного владения» — движимое имущество (скот и собственные люди) [1, с. 64].

Четвертым элементом механизма распределения трудовых обязанностей надо считать «наряд на работу». Практически все рядовые работники, разделенные по учетно-возрастным категориям, трудились по нарядам. У мастеров наряд просто фиксировал круг обязанностей, а у людей *smdt* он включал еще и норму выработки. Последние несли коллективную ответственность за выполнение нормы выработки, и в случае ее невыполнения (которое превращалось в задолженность) на помощь приходили не только работники, занимавшиеся тем же делом, но и соседи: водоносы помогали дровосекам, горшечники — пасечникам, рыбаки — дровосекам. Поскольку труд людей *smdt* считался неквалифицированным (в отличие от труда мастеров), каждый из них должен был уметь выполнять любую работу. Мастера же выполняли работу только по специальности и в соответствии с должностью. Человек *smdt* трудился в одной должности (вид работы) практически всю жизнь, а прочие занятия, на которые его перебрасывали, являлись

временными. При установлении нормы выработки учитывались индивидуальные возможности каждого работника. Норма выработки могла быть десятидневной, месячной или годовой, но рассчитывалась она для отдельного работника как средняя для группы людей, занятых одной и той же работой, т.е. как среднегрупповая.

Мастера и люди *smdt* работали государственными орудиями, владели государственной землей, получали государственные дотации и вознаграждение за труд. Причем в оплату труда входило также служебное обеспечение мастеров продуктами питания, дровами, водой, овощами и фруктами. Зависимое трудоспособное население было прикреплено к должности, месту работы и месту жительства, которые оно не могло сменить без разрешения государственных органов надзора. Зато последние могли, если считали необходимым, перевести любого работника на другое место жительства, на другую должность или на другое место работы. Очередные смотры штата учреждения (система аттестации кадров) могли закончиться переводом мастеров в нижестоящую социальную страту, хотя никакой провинности те не совершали. Наконец, принадлежность к социальной категории мастеров передавалась детям в наследственном порядке.

Таковы основные элементы, — а их можно насчитать не менее десятка, — социального механизма распределения трудовых обязанностей в египетском обществе. Он представлял собой отлаженное и хорошо работающее целое, базирующееся на централизованном управлении экономикой, ограниченности товарно-денежных отношений и доминирующей роли государства во всех сферах жизни. Составной частью этого целого выступало социальное и профессиональное закрепление людей за должностью, профессией, местом работы, местом жительства и социальной категорией. Механизм государственного распределения трудовых обязанностей перерастал в систему государственного регулирования социальной структуры.

Такова в общих чертах картина социальной организации труда древневосточного общества на протяжении III—I тысячелетий до н.э. В деталях она неоднократно видоизменялась, трансформировалась, но как устойчивый тип культуры труда сохранялась на протяжении очень долгого времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М.: Наука, 1984.
2. Дьяконов И.М. Основные черты древнего общества // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971; Меликишвили Г.А. Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ // Вестн. древней истории. 1975. № 2; Finley M.I. Between Slavery and Freedom // Comparative Studies in Society and History. 1964. VI. № 3. P. 233—249.
3. Зельин К.К., Трофимов М.К. Формы зависимости в восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969.
4. Берлев О.Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972. С. 171.
5. Дандамаев М.А. Свободные наемные работники в поздней Вавилонии // Ассириология и египтология. Л., 1964. С. 31—50.